

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА

ШЛОССБЕРГ

ПОВЕСТЬ

— Хорошее место... — Молодой человек повернулся к старику, сидящему на противоположном конце скамьи. Тот понимающе кивнул. — Так сидел бы себе и сидел, но... — Юноша тяжело выдохнув, встал с насиженного места и быстро зашагал в сторону ратуши.

Старик тоже выдохнул, но с облегчением. Он сдвинулся на середину, сел нога на ногу и раскинул худые жилистые руки по спинке скамьи, состоявшей из одной деревянной доски. В утреннее время в сквере было немногочисленно. Лавочки, за редким исключением, пустовали. Фонтан уже работал, но как-то нехотя, лениво выбрасывая жалкие струи воды.

Старик не первый год изо дня в день приходил сюда, на Am Eisernen Tor — площадь у Железных Ворот. Никаких железных ворот здесь давно не существовало, но название сохранилось.

По обыкновению, удобно расположившись, он сначала внимательно прочитывал газету, а потом, когда округа оживала, наблюдал за происходящим.

РОМАНОВА Наталья Владимировна (Сегень) родилась в Сибири. В 1998 году окончила Уральский Государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе, по второму образованию — учитель экологии. С 1998 года проживала в Великом Новгороде, работала в психотерапевтическом центре, а также внештатным экскурсоводом Новгородского государственного музея-заповедника. Училась в Литинституте им. А. М. Горького (семинар И. И. Ростовцевой). Член Союза писателей России. Автор сборников прозы и романа “Гефсиманский сад” о великой княгине Елизавете Фёдоровне. Лауреат литературных премий “Русский позитив” Российского Фонда мира, “Патриот России” Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, премии им. Л. М. Леонова (за публикацию цикла рассказов “Бегущая через жизнь” в “Нашем современнике”).

Его родной Грац, столица Штирии, привлекал туристов. А как же! По количеству достопримечательностей Грацу нет равных в Австрии, ну, если только в самой Вене... К тому же город издавна был студенческим. В общем, жизнь здесь бурлила, в том числе и здесь, в уютном сквере неподалёку от Главной площади.

Сложив вчетверо “Kronen Zeitung”, старик стал с неприязнью думать об авторе одной из только что прочитанных статей, в которой тот пылко призывал как можно больше уделять внимание несчастным старикам, которые, видите ли, страдают от того, что им не с кем поговорить и даже поспорить. Почему-то этот болван считает одиночество несчастьем. Вот он в свои девяносто очень рад, что никто не лезет к нему с глупой болтовней и спорами. Пролетевший рядом трамвай “семёрка” отвлек его от высоких дум об одиночестве, про которое так хорошо писал Рильке. Старик вспомнилось, как раньше трамваи грохотали. И, собственно говоря, ему даже не хватает сейчас того грохота. Новые трамваи, знаете ли, бесшумны. А бесшумно, как известно, действуют самые коварные убийцы.

День набирал обороты. Солнце только-только начинало припекать, а позолоченная статуя Девы Марии, стоявшая на высокой колонне спиной к старику, уже вовсю сияла, притягивая взгляды. Старик смотрел на статую, пока не заслезилась глаза. Он достал из кармана аккуратно выглаженный синий квадрат платка и вытер набежавшие слёзы.

— Не помешаю? — услышал он женский голос.

Старик взглянул на просительницу. Перед ним стояла в лёгком коричневом плаще женщина примерно его лет.

— Нет, не мешаете, — приветливо ответил “хозяин”, скрывая лёгкую досаду.

Незнакомка присела на край скамьи. Старик исподволь с любопытством поглядывал на неё. Её плащ в разгар лета нисколько не смутил старика: он и сам частенько мёрз в солнечные дни.

— Сегодня дождь обещали. — Незнакомка словно услышала его мысли о плаще.

— Разве?

— Причём в первой половине дня.

— Что-то я про это не знаю. — Поскольку завязывалась беседа, старик теперь мог открыто смотреть на неё. — Может, вы слушали прогноз на завтра?

— Нет. Именно на сегодня. — Женщина поджала ярко накрашенные губы так, что их стало почти не видно.

— Ну, хорошо, сегодня, сегодня, — рассмеялся старик, — только губы верните на место.

— Что?

— Ничего, простите. — Старик перестал смеяться, хотя это далось ему с трудом.

— Пожалуй, мне пора. — Незнакомка, опершись рукой на перекладину для спины, попыталась встать с места.

— Я не хотел вас обидеть! — В голосе старика сквозила тревога.

— Нет, нет, что вы. Вы ничем не обидели меня. Мне действительно пора. До свидания!

— До свидания...

“Позволить себе такие вольности! Болван!” — корил он себя, глядя на медленно уходящую незнакомку.

На следующее утро, к удивлению старика, его, можно сказать, личная скамья была занята. Но удивление вызвал не тот факт, что на ней уже кто-то сидел, такое случалось и раньше, а то, что на скамейке, робко так, на самом краешке, сидела его вчерашняя собеседница. Захотелось подойти и дерзко пошутить: “Не меня ли ты ждёшь, девица?” Но он, разумеется, сдержался.

— Позволите присесть? — спросил “законный владелец” из вежливости.

— Да, да, — залепетала старушка. — Здравствуйте... Вчера не было дождя, вы были правы, я перепутала прогнозы.

— Вы специально пришли мне сказать об этом?

— Нет. Откуда мне знать, что вы будете здесь?

— Я в это время всегда здесь.

— Каждый день?

— Да, каждый, — с гордостью ответил старик. — За редким исключением. Уже пятнадцать лет.

Пожилая фрау округлила глаза, получились маленькие центики, поскольку и так-то глаза-то у неё были небольшие. Старик так и прыснул, успев однако подставить ладошку ко рту. Получилось, будто бы он чихнул. От чего-то выражения лица этой особы смешили его.

Старик сел и, покрутив в руках газету, отложил её.

— “Krone”?

Старик кивнул. Фрау хмыкнула.

— Придерживаетесь левых взглядов в экономической сфере? — она пытливно взглянула на собеседника. Но тот лишь усмехнулся.

— Где ваш плащ? — спросил он. — Сегодня ведь дождь обещали.

— А! — фрау махнула рукой. И это получилось у неё так легко и беззаботно, что старик снова невольно улыбнулся.

— А вы задорная! — сказал он и, чуть помедлив, протянул ей сухую ладонь. — Генрих.

— Джульетта, — пожилая фрау на удивление старика ответила весьма крепким рукопожатием.

— Красивейшее имя! — воскликнул Генрих.

Соседка по скамье задумчиво посмотрела на проходящую мимо женщину с ребёнком в коляске.

— Знаете, а мне моё имя никогда не нравилось.

— Правда? И мне моё!

— Вот совпадение!

— А вам-то чего ваше не нравится? Джульетта — очень красивое имя! Шекспировское.

— Латинское. А вам чего не нравится ваше?

— Ну, согласитесь, дурацкое имя Доминик.

— Доминик? А при чём тут Доминик?

— Ну... Ну... — старик растерялся. — Вообще-то моё имя Доминик... Но я же говорю: мне оно не нравится!

— Поэтому вы Генрих? — Джульетта исподлобья взглянула на Доминика-Генриха. Не жулик ли этот тип? Старику даже показалась, будто она отодвинулась как можно дальше от своего собеседника, хотя и так сидела почти на самом краю. — По-моему, Доминик — прекрасное мужское имя. Чем оно вам так не угодило? Стыдно должно быть!

И старику стало стыдно. Запылали щеки, как в детстве, когда его отчитывали за провинности.

— Давайте по новой знакомиться, — неожиданно предложил он и тотчас протянул руку: — Итак, стало быть, я не Генрих. Я Доминик.

— На сей раз без вранья?

— Без какого-либо.

Джульетта выждала небольшую паузу. Тем временем рука Доминика несколько секунд висела в воздухе над скамейкой, пока ей навстречу не выплыла женская ладонь.

— Тереза, — негромко произнесла недавняя Джульетта.

А дождя так и не было ни через день, ни через неделю. Стоял необычайно жаркий июнь, поэтому Доминик решил нарушить свой неизменный график и приходить пораньше. Хотя, что кривить душой, его очень даже устраивало возвращаться домой после прогулки перед самым обедом, да и солнце в прошлые годы палило не меньше. Но... Тереза, как он выяснил, не жаловала солнечные ванны, да и к двенадцати ей надо было на процедуры в поликлинику. Поэтому, приходя в начале двенадцатого, она через минут пятнадцать срывалась к врачам. Доминику этих пятнадцати минут совершенно не хватало для общения со своей новой знакомой. А она была ему

интересна. Вот потому-то он и предложил Терезе приходить в сквер на час раньше.

— Но... — Тереза не знала, что ответить. — А зачем?

— Зачем, зачем... Затем! — вспыхнул он, но тотчас взял себя в руки и ответил более вежливо: — Я давно не встречал такого увлекательного собеседника. Умного, эрудированного.

— Когда это вы все успели во мне разглядеть? Мы с вами виделись несколько раз, да и то минут по пять.

— Поэтому и хотелось бы узнать о вас побольше. Вы ведь недавно поселились в Граце?

— Да, недавно переехала в Грац к внуку. Из Линца.

— Верхняя Австрия. А ваш муж?

— О, с ним я давно в разводе. Даже не знаю, жив ли он. А ваша супруга?

— Вдовец.

— Дети?

— Нет. И не было. Пожалуй, достаточно биографических сведений. Как вам наш Грац?

На следующее утро Тереза пришла, как и договаривались, пораньше. Доминик уже поджидал её на скамейке.

— А! Пришли-таки! — заулыбался он.

— Нас так мало осталось, стариков, — вздохнула Тереза, — а молодым мы не интересны, да и нам не все молодые интересны...

— Старики! — хмыкнул Доминик. — Во-первых, в Европе каждый третий — старик. Во-вторых, я себя стариком не чувствую.

— Ого? Сколько же вам лет, юноша?

— Скоро девяносто.

— Весна жизни!

— А вам сколько?

— Разве это не бестактно — спрашивать женщину...

— Ах, оставьте. Это в пятьдесят, в шестьдесят бестактно, а в наши годы...

— Вы думаете, мне тоже под девяносто?

— Полагаю, да. Но выглядите вы изумительно. Понятие “старость” к вам не относится никоим образом. — Он разглядывал её бледно-зелёное платье с белым воротничком. — Вы такая красавица! И вкус ваш сдержан, безупречен.

— Вкус молчит, кричит безвкусица. — Тереза, довольная своей находчивостью, присела на скамью. — Вы правы, мне тоже далеко за восемьдесят.

— Как ваши мальши? — Доминику вновь хотелось услышать какую-нибудь историю о правнуках Терезы. Вчера, рассказывая о них, она стала необычайно весёлой, смешливой и какой-то по-детски непосредственной.

— Ох, мальши, мальши, — захохотала Тереза. — Вот так хочу вам что-то рассказать, а не могу.

— Почему же?

— Не совсем прилично...

— Тем более рассказывайте немедленно!

— Хорошо. — Тереза прищурилась, а потом снова зашлась в хохоте.

— Да рассказывайте же! Уже смешно!

— Лукас вчера такое выдал!

— Лукас — который старший? Которому четыре?

— Да, совершенно верно.

— И что он?

— Мой внук, отец Лукаса, на стажировке в Америке. Так вот. Вчера Лукас и говорит своей матери, жене внука: “У меня есть братик, пора бы сестричку”. А новость ему в ответ: “Без папы никак. Папу подождать надо”. “Зачем? — удивился Лукас. — Папа придет, а мы ему: “Сюрприз!”

Доминик смеялся от души, даже газету выронил:

— “Сюрприз!” Молодец какой!

Вдоволь насмеявшись, старик надолго замолчал.

— Простите, — Тереза с печалью в глазах посмотрела на Доминика. — Зря я вам про детей рассказываю... Не стоит больше мне этого делать.

Доминик продолжал молчать. Тереза огорчённо поглядывала то на него, то на золотую Богородицу. Наконец, старик заговорил:

— У меня жена не могла иметь детей, простыла в войну, болела сильно. — Он смотрел в сторону соседней скамейки, на которой сидели родители с двумя маленькими детьми. Младшего кормили из бутылочки с соской, и он, причмокивая, лежал смиренно, в то время как старшему ни за что не хотелось оставаться на месте. Его влекли неведомые дали, поэтому он всё время пытался вырваться из рук отца и сигануть по дорожке куда глаза глядят. Родитель держал его крепко, потому малыш и куксился.

— Жаль. Но на всё Божья воля. — Тереза попыталась приободрить Доминика. — Значит, так должно было быть. Вы же знаете, ни один волос...

Старик кивнул.

— Тереза, этого я никому никогда не говорил, но с вами мне хочется быть откровенным. — Доминик снова посмотрел на семью на соседней лавочке. — Я жену свою очень любил, никогда не изменял ей. Но когда её не стало, мне все чаще стала приходить в голову мысль о том, что зря я не стал отцом...

— То есть?

— Ну, были женщины, сослуживицы и не только, которые намекали или явно говорили о том, чтобы...

— Чтобы вы стали отцом их детей?

— Да. Но я был верен жене! Хотя и хотелось детей, конечно. Эх, надо было бы... Даже не для того, чтобы приходили со мной сюсюкались в старости, для продолжения рода хотя бы.

— И что за жизнь бы вас ожидала? — Тереза вскинула голову. — Тогда надо было бы от жены уходить или врать ей постоянно. Или бы вы сказали ей о ребёнке на стороне?

— Нет. Наверное, нет.

— Вот видите...

Старики помолчали.

— А что, было много предложений? — Тереза лукаво взглянула на Доминика. Тот кивнул.

— Много? — переспросила она.

— Да.

Тереза откинулась на спинку, чуть отвернувшись от Доминика.

— Ага! Вы ревнуете! — улыбнулся старик.

— С чего вы взяли? С какой стати мне вас ревновать?

— Ревнуете, ревнуете! По вам видно.

— Не вижу смысла продолжать этот бессмысленный разговор. — И Тереза вновь поджала губы так, что они исчезли с её лица.

— Понимаете, — начал извиняющимся тоном Доминик, — время ведь было такое. Да что мне вам объяснять! Вы и сами всё помните. — Он тоже откинулся на спинку скамьи и посмотрел в небо долгим взглядом. — Война, — старик резко наклонился вперёд, — будь она неладна! Выкосила целый пласт народу и в основном мужиков. А сколько калек да дурных, контуженных пришло с фронта! От кого женщинам рожать-то было? Нет, не из-за похоти на меня бабы кидались.

— Прямо уж и кидались, — пробурчала Тереза, но Доминик не обратил внимания.

— Я был недурён собой, молод, — старик посмотрел на свои голые руки, усыпанные “старческой гречкой”, — полон сил. Одним словом, завидный кавалер. Хотя и меня война потрепала изрядно. Но, как вы знаете, среди слепых и одноглазый — король, поэтому... чего греха таить, были многочисленные предложения, были.

— И даже женатому?

— Как раз-таки женатому! Я ведь с Магдаленой познакомился ещё до войны.

— Она австрийка?

— Да. Из Граца. Это я берлинец. В Берлине мы и познакомились, и поженились. Когда началась война, я ушёл на фронт, она осталась в Берлине. Телефонисткой работала. Ждала меня. А после войны мы переехали в её родной Грац.

— Не жалеете, что вы, немец, всю жизнь прожили в Австрии?

— А чего жалеть-то? — пожал плечами Доминик. — Ни родных, ни дома в Берлине у меня не осталось — всё погибло под бомбёжками. Да и нравится мне Грац. — Старик посмотрел в одну сторону, потом в другую и остановил свой взгляд на колонне с золотой Богородицей. — Я счастлив, что именно здесь прожил свою жизнь. Да ещё и с замечательной женщиной.

— Я рада за вас, — искренне сказала Тереза. — Не каждому так повезёт со спутником.

— Да, да, Магда была очень хорошей. Я все годы нашей совместной жизни вспоминаю с благодарностью. Она была заботливой, обходительной. Ну, куда я от такой на сторону? Жили душа в душу. Спокойно, размеренно. Всё у нас было спланировано, всё продумано, всё по режиму. Никаких ссор, скандалов, потрясений. Соседи, друзья умилялись нам. То есть всё у нас было идеально. А потом... а потом она ушла от меня, — Доминик неожиданно стукнул ладонью по скамейке.

— Как ушла? — не поняла Тереза. — Куда ушла?

— В землю. — Старик сжал газету. — В лучший, так сказать, мир. Сволочь!

Тереза, часто моргая ресницами, с испугом смотрела на Доминика, но потом вдруг рассмеялась. Старик с недоумением взглянул на хохочущую спутницу.

— Вы чего?

— А ведь и вправду сволочь! Ну, кто так делает? — смеялась Тереза. — Надо же! Взяла и померла. Ну, не сволочь ли?

Доминик молчал, опустив голову.

— Да, смерть ещё ни про кого не забыла, — отсмеявшись, сказала Тереза. — Однако забавный вы, Доминик!

Старик по-прежнему молчал. Пожилая фрау посмотрела на маленькие часики с коричневым циферблатом — в тон её старческой, как и у Доминика, усыпанной “гречкой” руке.

— А вы любите шоколадный цвет, — сказал старик. — И плащ, и часы, и туфли...

— Всё, мне пора на процедуры. — Тереза достала из сумочки бумажный платочек и промокнула им лоб, а затем оглянулась в поисках урны.

— Я вас провожу.

— Нет, нет! Спасибо.

— Вы всегда отказываетесь, чтобы я провожал вас. Почему?

— Так в наших встречах больше таинственности.

Тереза ушла, а Доминик ещё немного посидел в сквере, думая о детях и вспоминая рассказы Терезы о правнуках. Вспомнилась недавняя информация: большинство жителей Австрии — старики, а показатели австрийской рождаемости — самые низкие в мире...

— О-хо-хо! — Доминик встал со скамьи и отправился восвояси.

На следующий день Тереза выглядела усталой. Появились мешки под глазами, их раньше не было. “Сколько, она говорила, ей лет? Восемьдесят восемь? На все девяносто выглядит”, — Доминик озабоченно смотрел на Терезу.

— С вами все в порядке? — он помог присесть ей на скамейку.

— Выгляжу так, будто месяц назад померла?

— Месяц не месяц, но неделю точно!

— Ну, знаете, — хотела насушиться старуха, но передумала. — Не беспокойтесь, со мной все в порядке. Просто очень плохо спалось. Всю ночь кошмары снились.

— Война?

Доминик попал в точку.

— И мне она часто снится. Раньше так почти каждую ночь. Теперь пореже. Но все равно часто.

Возле фонтана резвились подростки, брызгая друг на друга водой.

— Вот и мы так, постоянно в брызгах войны, хоть она и кончилась давно, — задумчиво сказал Доминик.

— Иногда после таких снов я плачу. — Тереза, не отрываясь, смотрела на молодёжь.

Доминик положил свою ладонь на её и чуть сжал.

— Знаете, Тереза, я сражался под Сталинградом. Недавно побывал там, впервые с того времени. Было семьдесят лет Сталинградской битвы. На Мамаевом кургане я не сдержался. Расплакался. Ужас войны, как никогда, стоял перед глазами. Нет более сильного врага, чем русские. Тереза, самый страшный кошмар в моей жизни — это Сталинград. — Доминик закрыл лицо руками. — О чём можно говорить, если пятьдесят восемь дней мы штурмовали один-единственный дом! И все напрасно... Так вот. Стою я на Мамаевом кургане, рыдаю. Идёт мимо русский, весь в наградах. Увидел меня, остановился, пальцем тычет и что-то яростно так мне говорит. А потом махнул рукой и дальше пошёл. Я попросил сопровождающего перевести. “Плачешь? — говорил русский. — Да ты радоваться должен, что я тебя не убил в сорок третьем! Радуйся!”

Доминик и Тереза одновременно посмотрели на золотую статую.

— Святая Мария, Мать Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь, — прошептала Тереза.

Они сидели молча до тех пор, пока к ним не подошла молодая пара туристов с вопросом, как пройти к самой старой в Граце аптеке, открытой аж в 1534 году.

— Кому как не нам задавать вопрос про аптеки, больницы да кладбища, — проворчал старик.

— Они из туристических соображений, — заступилась за пару Тереза. — А по вам издали видно, что вы знаток города.

Ветер пригнал к их ногам красочную обёртку, возможно, от мороженого. Доминик прижал её ботинком к земле, наклонился, поднял и бросил в урну. Это он проделал с нескрываемым раздражением.

— Всю жизнь мне изъедала нутро горечь поражения. Такая, знаете, не проходящая изжога. — Доминик дотронулся до живота. — Я постоянно чувствовал себя проигравшим. Лучше бы погибнуть, как мой смелый друг Герих, думалось мне порой, чем всё время жить с чувством унижения.

Тереза слушала старого солдата вермахта, а перед глазами у неё всплывали картины тех невыносимых месяцев войны.

— Вы были в плену? — спросила она.

— Мы сдались в плен 2 февраля 1943-го. Девяносто тысяч немцев! А домой вернулись шесть тысяч. И я в их числе. — Доминик ударил себя по груди.

— Всего шесть тысяч... Какая бесчеловечность!

— Русские здесь ни при чём. Знаете, какими попали в плен наши солдаты и офицеры? Десять процентов были безнадежными, ещё семьдесят — больны дистрофией, и у большинства — обморожения с осложнениями в виде гангрены и сепсиса. Взятые в плен под Сталинградом погибли от недоедания, холода и болезней. Советские доктора пытались нас спасти. Медсестры и врачи сами заражались от больных пленных и умирали. Вы читали Гельмута Вельца? А Вильгельма Адама?

— Увы, ни того, ни другого.

— “Солдаты, которых предали” и “Воспоминания адъютанта Паулуса”. Это написано теми людьми, которые побывали в Сталинградском котле, поэтому в их книгах — суцная правда.

— Прав тот русский ветеран, — вздохнула Тереза. — Повезло вам — пройти жернова войны и остаться зёрнышком. Он прав. Радоваться этому надо. Радоваться!

— А может, отметить сей факт? — Доминик подмигнул собеседнице.

— Вы приглашаете меня...

— Приглашаю отобедать в уютном ресторанчике, — не дал договорить Терезе Доминик.

— Но мне на процедуры.

— Милая девушка, — засмеялся Доминик, — сегодня выходной.
— Но я... Но... — Тереза выглядела смущённой. — Давайте в следующий раз.

— Почему?

— Как я вам скажу, что губы не намажаны, а помада дома. И наряд не подходящий. Да и мешки под глазами, наверное, ещё на месте. Нет, сегодня исключается.

— Бросьте! Вы чудно выглядите! Соглашайтесь. Кутнём! Есть повод — жив остался.

— Спасибо, — сказала фрау, дав понять, что разговор на эту тему исчерпан.

Утро следующего дня у Доминика получилось суматошным. Пришёл волонтер из Красного Креста читать книгу и поиграть в настольные игры. Доминик удивился, потому как не заказывал ничего подобного и вообще не ожидал гостей. Оказалось, это сосед ошибочно назвал вместо своего жилья номер квартиры Доминика. Когда все выяснилось, волонтер отправился к соседу, а тот без сознания. Пришлось помогать волонтеру госпитализировать соседа.

Разумеется, к десяти Доминик опоздал и пришёл гораздо позже. Не пришёл, а почти прибежал. Неподальку от сквера он остановился, отдышался и направился к скамейке бодрым шагом. Ещё издали он увидел Терезу и обрадовался ей. Однако радость была недолгой. Рядом с ней на его месте нагло восседал какой-то другой старик в шляпе и, как показалось “владельцу скамьи”, весьма близко к фрау.

— Утро доброе! — Доминик чуть склонился в поклоне.

Незнакомец нехотя приподнял шляпу, а Тереза, выглядевшая отчего-то сегодня привлекательнее обычного, кокетливо улыбнулась и, скользнув взглядом по Доминику, что-то спросила у сидящего рядом с ней старика.

— Вот так так! — Доминика аж передёрнуло. — Не могли ли бы вы подвинуться? — обратился он к незнакомцу. Тот недоуменно посмотрел на нависающую фигуру Доминика, а потом на пустующую часть скамьи, говоря взглядом — садись, место же есть.

— Подвиньтесь, — настаивал Доминик.

— Не могу, поскольку мне через вас будет неудобно разговаривать с фрау. Присаживайтесь с этого конца скамьи. — Незнакомец слегка хлопнул ладонью по пустующему месту.

— Так и мне через вас будет неудобно разговаривать с фрау, — не отступал Доминик. — Подвиньтесь!

— По какому праву? — прищурился незнакомец. — Я раньше вас пришел сюда, поэтому вправе сидеть, где хочу.

— Но это моя скамья!

— Что значит ваша? На ней что, написано? Или у вас есть соответствующий документ?

— Говорю вам, моя. Вон сколько пустующих! Идите на любую!

— Ну уж, нет! Чего это я стану бегать по скамейкам? Сами идите или садитесь здесь на свободное место.

Тереза молча наблюдала за происходящим. Её и огорчала ссора мужчин, и смешила одновременно.

— Доминик, не упрямитесь, садитесь, места же всем хватит.

— Так, Тереза, мы идём на другую скамью, — приказал Доминик, пытаясь взять её за руку.

— Ну, вот ещё! — Тереза убрала руку за спину. — И здесь хорошо. Садитесь, Доминик!

— Считаю до трёх. — Лицо Доминика становилось багровым. — Если этот ваш знакомый не переседет с моего места, я выкину его вот за эту перекладину. — Он кивнул на спинку скамьи.

— Прошу вас, — обратилась Тереза к незнакомцу, — отодвиньтесь. Он не шутит.

В это время мимо них шёл мужчина с собакой, тоже завсегдатай утренних скамеек. Доминик, поздоровавшись с хозяином, ухватился за морду со-

баки, тем самым поприветствовав и её. Собака в наморднике гавкнула в ответ. По интонации было не понять, то ли она рада Доминику, то ли возмущается его выходке. А Доминик вновь вернулся к своей битве.

— Давно по морде не получал? — спросил он у настырного соперника.

— Обратно к неандертальцам катимся. — Старик в шляпе встал со скамьи. — Дичаем, однако.

— Вали, вали! — Доминик уже устраивался поудобнее на своём законном месте. — Смотри, в следующий раз кости переломая!

Тереза смотрела вслед уходящему, покачивая головой. Взгляд её полнился укоризной.

— Как так можно? Взять и прогнать человека.

— А чего он...

— Вы как ребёнок. Мой Лукас — и то умнее вас будет.

— А чего он? — повторил Доминик.

— Чего, чего... Я не желаю с вами разговаривать после вашей выходки!

Доминик насутился.

— Конечно, ей больше по душе этот трусливый франт, ведь он в шляпе. Даже не спросила, почему я опоздал. Ей вообще нет до меня никакого дела!

Теперь развеселилась Тереза.

— А вы молодец!

Доминик недоверчиво посмотрел на смеющуюся Терезу.

— На самом деле молодец! Боевой такой! Мне вы даже очень понравились. Терпеть не могу толерантных.

— Вы это серьёзно? — спросил он у хохочущей фрау. Но та в ответ лишь смеялась, обмахиваясь газетой. — Я действительно не толерантен. А скажите, кто вы по профессии? Где работали?

Тереза улыбнулась. Сегодня ее губы были чуть тронуты розовым.

— Не скажу.

— Это ещё почему?

— Не хочу. Догадитесь.

— Хорошо, не говорите! Я дома хорошенько подумаю и составлю список ваших предполагаемых профессий.

— Это будет любопытно.

На следующий день Доминик первым делом достал из кармана сложенный листок со списком. Развернул его и надел очки.

— Интересно. — Тереза попыталась заглянуть в бумагу, но Доминик увернулся. — И что вы там напредполагали...

Старик пробежался глазами по списку, в котором значилось всего пять позиций:

— Итак, кто вы по профессии, на мой скромный взгляд...

— Зачитывайте уже, не томите! Первая в списке...

— Дрессировщица.

— Тигров?

— Ну, не знаю... Просто дрессировщица.

— Э, нет, так не пойдёт! Давайте с конкретикой.

— Какая разница, кого дрессировать. Я просто предположил, что вы можете быть дрессировщицей, а уж кого — морских свинок или бегемотов — это детали.

— Хорошо, продолжайте.

— Я думаю, вы бы могли быть каскадёршей.

— Кем-кем? — Тереза так и прыснула. — Каскадёршей? Да вы в своём уме? Какая я каскадёрша? Или вы никогда на меня не смотрели?

— Отчего же, смотрел. Вы очень ладная.

— Благодарю за комплимент. Давайте дальше. Жуть как интересно!

— На третьем месте у меня вы — скалолазка.

Терезе уже было неудобно смеяться, поэтому она закатила глаза.

— Экстраординарно!

— Я так и вижу, как вы кончиками пальцев хватаетесь за горный выступ.

— Вы находите меня героической женщиной? — вскинула бровь Тереза.
— Не то чтобы героической... — Доминик задумался. — Авантюрной, быть может.

Возле соседней скамейки залаяла собака. Хозяин похлопал её по спине и улыбнулся Доминику с Терезой.

— Интересно, что за порода собаки у нашего соседа Грабнера? — старик изучающе смотрел на подвижное крепкое животное. — Симпатяга.

— Вы говорили, Грабнер тоже давно здесь обитает. Почему же было не спросить?

Доминик пожал плечами: мол, и сам не знаю почему.

— Я и клички-то собаки не знаю, — признался он, — не то что породы.

— Австрийский брудастый бракк.

— Как?

— Бракк, — повторила Тереза. — Или штирийская гончая.

— А откуда вам это известно?

Тереза не ответила.

— Грабнер, должно быть охотник? Австрийский бракк вообще-то охотничья собака, работает по мелкому зверю. Вы не видите, какого цвета у неё глаза?

— Нет. А что?

— Обычно они коричневые, но бывают и жёлтые, правда, очень редко.

— Придётся мне кое-что поменять в списке, — вздохнул Доминик, — на четвёртое место, пожалуй, я поставлю ветеринара или кинолога.

— Думаете, я породы собак выводила? — усмехнулась Тереза. — Ничего не меняйте в своём списке. У отца когда-то была такая собака.

— Ах, вот оно что... Тогда позвольте продолжить. Далее в моём списке идёт наездница.

Тереза задумалась.

— Анри де Тулуз-Лотрек приходит на ум со своей картиной “Наездница в цирке Фернандо”, знаете такую?

— В той картине, по-моему, мало романтизма. Да и вообще его нет. Что наездница, что мужик с хлыстом в каком-то карикатурном виде.

— Зато скорость хорошо передана.

— Зато нет шляпы с пером.

— А наездница обязательно должна быть в бархатном костюме и со шляпой?

— О да! Обязательно. Гарцующая наездница — так романтично!

— Всё с вами ясно. Влюблялись в наездниц.

Доминик, поёрзав на скамье, признался, что да, было дело. Но совсем в юном возрасте!..

— А у героев картины Тулуз-Лотрека необычная история, как раз-таки романтическая. Художнику позировала всадница, молодая женщина, причём из богатой семьи. Она влюбилась в преподавателя верховой езды и ушла от мужа, занялась вольтижировкой, стала лихой наездницей.

— Не знал. Но раз уж речь зашла о картинах и художниках, мне тоже хочется блеснуть знаниями на эту тему. Был такой живописец. Врубель. — Доминик испытующе посмотрел на собеседницу.

— Как же, знаю, — мгновенно ответила та. — Русский. “Демон”, что же ещё? — Тереза задумалась. — Сейчас вспомню.

— В Киеве гастролировал знаменитый берлинский цирк Шумана. — Доминик не стал дожидаться, пока Тереза вспомнит названия картин русского художника. — Врубель пришёл на представление и влюбился в наездницу. Звали её Анна Гаппе, она остановилась возле ложи, где сидел художник. Врубель увидел её вблизи и был сражён красотой.

— И шляпой с пером, — съязвила Тереза.

— Кажется, всадница была в цилиндре, обвитом по тулье газовым шарфом.

— Скажите, какие детали вам известны!

— Я читал про это. И вообще много читал, особенно как остался один. Так вот. Михаил Врубель влюбился. Но Анна Гаппе была замужем. Кстати,

за артистом того же цирка. А Врубель тогда расписывал храм. Возглавлял работы художник, как же его звали... Известный довольно... Э...

— Русский?

Доминик кивнул.

— Шишкин, Брюллов, — принялась перечислять Тереза фамилии, но Доминик, наморщив лоб, отмахнулся.

— Нет, не вспомнить. Значит, пришёл Врубель в собор, и вдруг его как захлестнуло желанием нарисовать Анну. Чистых холстов не было. Тогда он схватил написанную им “Богоматерь” и стал закрашивать изображение белым. А потом на нем стал рисовать Анну.

— Поверх Богоматери? — ужаснулась Тереза.

— Да! Поверх Девы Марии.

Тереза, сложив кисти рук, повернулась к колонне с золотым изваянием.

— Как же можно... — прошептала она.

— А тот, который главный, очень восхищался картиной, даже кого-то привёл посмотреть на неё. Но картину он не нашёл. А когда понял, что на изображении Девы Марии нарисован цирк, то разозлился.

— Ещё бы!

— Но это не всё. Врубель написал картину “Моление о чаше”, причем писал её долго. Сумел выгодно продать, и за ней со дня на день должен был приехать покупатель. Но Врубель, обуреваемый страстью к Анне, и на этой картине вновь нарисовал свою наездницу.

— Какой кошмар, — прошептала Тереза, — какой кошмар.

— Не кошмар, а любовь, — назидательно ответил Доминик.

— Значит ли это, что и вам подобным образом сносило голову от любви к всаднице?

— Я рисовать не умею, — пробурчал старик.

Повисла пауза. Тереза размышляла над рассказом Доминика, то и дело обращая взор к золотой Богородице. Её собеседник же, наоборот, смотрел в противоположную сторону — на соседа и его собаку, которую, как оказалось, звали Арчи.

— А какова пятая позиция? — Тереза прервала свои размышления.

Доминик замешкался.

— Так кто же?

— Спасатель береговой охраны.

— Ктоо???

— Спасатель береговой охраны, — робко повторил старик.

— Ну, и фантазия у вас, — покачала головой Тереза. — Каскадёрша, спасательница, скалолазка...

— А что плохого в спасательнице? Я так и вижу взмахи ваших рук над водой и горячее желание прийти на помощь утопающему.

— А при чём тут авантюризм? Профессия самая что ни на есть героическая.

— Все героические профессии граничат с авантюризмом.

— Интересная теория, — усмехнулась Тереза.

— Я раскрыл вам свой список. Теперь вы откройте же мне, наконец, кто вы по профессии, чем занимались, кем работали? — Доминик свернул листок и убрал в карман рубашки.

— Боюсь, что разочарую вас. У меня самая заурядная профессия. Но этот только на первый взгляд! В ней есть нечто мистическое, потайное. Магия чисел меня всегда завораживала.

— Вы нумеролог?

— Нет, я бухгалтер.

— Бухгалтер? — не поверил Доминик. — Чтобы вы и — бухгалтер?

— А почему бы и нет? И что плохого в этой профессии? — Тереза сложила “в замок” руки на груди. Её взгляд стал холодным, даже безжалостным.

— Нет, ничего дурного в профессии бухгалтера нет. Просто я ду- мал... — Старик почесал затылок. — Мда.

— У вас тоже профессия довольно обычная. Юрист. Так чего же вы от других хотите?

Старик молчал. А потом глянул на Терезу лукаво и, потирая руки, медленно произнёс:

— Я знал, что вы бухгалтер!

— А список?

— Это я нарочно. Дурачился. Нет, вы действительно вылитый бухгалтер. Пунктуальная, опрятная. И вообще...

— Обманываете! Вы понятия не имели, что я бухгалтер!

— Имел, имел! Ещё как имел! Ну, какая из вас каскадёриша или скалолазка?

— Да уж действительно, — развела руками Тереза.

— Я сразу понял — вы бухгалтер! Но мне уж очень хотелось позабавить вас!

— И впрямь позабавили. К тому же вы оказались правы.

— Ну вот, что я говорил! — ликовал Доминик. — Уж поверьте моему опыту и интуиции.

Тереза кивнула.

— Вы оказались правы, — повторила она, — только я не бухгалтер.

— То есть?

— Не бухгалтер. Моя профессия в вашем списке значится на первом месте.

Доминик спешно достал листок бумаги и развернул его. На первом месте значилась дрессировщица. Он недоуменно посмотрел на Терезу.

— Она самая. Дрессировщица, — подтвердила фрау.

Старик хихикнул.

— Не вижу ничего смешного. Очень интересная, достойная профессия.

— Что-то у меня не вяжется она с вами.

— И тем не менее.

— И кого вы дрессировали? Неужто львов?

— Нет, не львов. Дельфинов.

— Надо было мне догадаться, когда вы про собак рассказывали. — Доминик хлопнул себя по ноге. — Значит, вы имели дело с животными? Интересно, интересно. Расскажите!

— Обязательно, но в следующий раз. Нет, нет, как всегда, провозжать не нужно. — Тереза остановила Доминика рукой.

— Таинственность... Просто боитесь, видно, что родня увидит, будет смеяться, какую развалину-ухажера вы себе нашли.

— Не без этого! — улыбнулась Тереза и, махнув рукой на прощание, пошла вдоль фонтана к одному из выходов сквера.

Доминик смотрел ей вслед и думал, где же она ему нашла: про бухгалтера или дрессировщицу?

— Доброе утро, дрессировщица! — с ехидцей в голосе поприветствовал Доминик свою знакомую. — Я забыл, кого вы там тренировали? Медуз?

— По-прежнему не верите? А вот это вас обязательно убедит! — Тереза достала из сумки пачку фотографий.

— Как вы безнадежно отстали, милая фрау...

— То есть?

— Я лично давно пользуюсь планшетом. Вы хоть слышали об этом предмете?

— Не умничайте, мой друг. Держать фотоснимки в руках — особое ощущение, и оно гораздо приятнее того, чем когда рассматриваешь их на компьютере.

Доминик пожал плечами, полез в карман, достал очки и, взяв несколько фотографий, стал внимательно их разглядывать. Черно-белые снимки чередовались с цветными, на большинстве которых были запечатлены дельфины.

— Каким ветром вас занесло в дельфинарий? — Доминик изучающе рассматривал фотографии.

— Придётся рассказывать по порядку, с самого начала. Родилась я в Линце, в городе, где Гитлер провел детство и юность, отчего и считал его своим родным. Но мы не любили Гитлера, и в тридцать восьмом, после при-

соединения Австрии к Германии, наша семья эмигрировала в Штаты. Мы обосновались в Сент-Огастине.

— Это где такой?

— Штат Флорида. И в том же тридцать восьмом, представляете, в Сент-Огастине был открыт первый в мире дельфинарий. Ну, поначалу это был океанариум, и назывался он “Морская студия”. Там собирались держать разные виды морских животных, но один из дельфинов проявил такую смекалку и такие способности! Это и положило начало дельфиньему цирку. И я, как и многие, “заболела” дельфинами. После войны мы вернулись обратно. Я не переставляла бредить морскими животными. В середине пятидесятых был настоящий бум дельфинариев. К тому времени я уже всю занималась дрессировкой этих чудных животных и выступала на публике. Работала во многих местах Европы.

Доминик, отложив остальные фотографии на скамью, пристально вглядывался в один снимок. На дельфине стояла молодая девушка в обтягивающем костюме.

— Это ведь вы?

Тереза кивнула.

— Я был на одном из ваших представлений.

— Вот как?

— Вы — Тереза Перлькопф.

Фрау посмотрела на собеседника с удивлением.

— Я хорошо помню вас. — Доминик отдал фотографию Терезе.

— Отчего же вы меня хорошо запомнили?

— От возмущения. Ездили на дельфинах, как на горных лыжах. Я тогда первый и последний раз посещал дельфинарий. Да и вообще бы туда и не пошёл, если б не жена. Ей кто-то посоветовал чаще бывать там, где гуляют дети. Смотреть на их смеющиеся, радующиеся мордашки.

— Вот видите: смеющиеся, радующиеся! Дети всегда приходят в восторг от общения с дельфинами.

— В восторг? — Доминик возмущённо посмотрел на Терезу. — А сколько было загублено дельфинов ради этого восторга? Не считали?

— Ну, знаете, — задыхнулась Тереза от негодования. — Ну, знаете!

Из милой очаровательной старушечки она вмиг превратилась в разъярённую гарпию. Доминик даже выпалил вслух:

— Сейчас вы способны наводить ужас на людей!..

— А вы, знаете ли, не смейте мне такое заявлять! — Тереза тяжело дышала.

— Но гуманно ли держать дельфинов в неволе? — Доминик уже был не рад затейному разговору, потому его речь звучала не так резко.

— А собак? — Тереза кивнула головой в сторону Арчи.

— Это не довод. — Доминик нервно отстукивал узловатыми пальцами по деревянной скамье.

— Я знаю, много сломано копий в дискуссиях на эту общественно-значимую тему. Но послушайте меня... Все начинается с долгой адаптации дельфина к жизни в неволе. Животное длительное время находится на карантине. — Тереза встала и принялась ходить вдоль скамейки.

— Но на воле они проплывают сто с лишним километров в день. А в бассейне сколько? Разве они могут это проделать в каком-то искусственном корыте? — Старик начинал терять терпение. — А хлорированная вода? Да у них кожа слезает! — Доминика аж передёрнуло от нарисованной им в воображении картины. — А продолжительность жизни в неволе? И не питаются они на морских просторах мёртвой рыбой. Вам ли этого не знать? Нет, англичане молодцы! Все дельфинарии закрыли из-за общественного протеста.

— Дайте же сказать, наконец! Да будет вам известно, в любом дельфинарии тщательно следят за солевым составом воды и меняют её регулярно! К тому же температура поддерживается соответствующая. И заставить животное что-то делать помимо его воли — невозможно! Не-воз-мож-но! А дельфины с радостью и тренируются, и выступают! Им нравится общаться с человеком.

— Это они вам сами сказали? — Доминик наполнил грудь воздухом и громко выдохнул.

— И что за бред, что жизнь в неволе укорачивает животным жизнь? В Германии живёт дельфин, не знаю, правда, на сегодня он жив или нет, но еще недавно был жив. Ему пятьдесят два года! Почти половина дельфинов и в море, и в дельфинарии гибнет, не дожив до двух лет. Они очень чувствительны к заболеваниям. А в природе ещё и разные напасти. Шторма, например. Сколько дельфинов гибнет в море! Что-то об этом не больно трубят. — Тереза вновь села на скамью.

— Я понимаю, — Доминик ласково погладил Терезу по плечу, — это ваша работа, которой вы посвятили жизнь. Простите меня за мою резкость. Тогда, много лет назад, увидев вас, я был сражён вашей красотой, грацией, ловкостью, но мне казалось недопустимым и тогда, и сейчас... Я даже ваше имя запомнил. Такое мне показалось несоответствие между вашей красотой и...

— Всё ясно. Наши взгляды слишком разнятся. Отдавайте мне мои фотографии и прощайте!

— Нет, не отдам! — Доминик схватил пачку, лежащую с его стороны.

— Как это не отдадите?

— А вот так. Я ещё не досмотрел до конца.

— Но мне надо идти!

— Идите. Завтра придёте, и я их вам верну.

— Но я завтра не собираюсь приходить! — Тереза топнула ногой в туфле на широком маленьком каблучке.

— А придётся. — Доминик крепче сжал фотоснимки. — До завтра. И по обычаю не провожаю вас.

Придя в сквер чуть раньше обычного, Доминик застал на своей скамейке пару, по его понятиям, весьма молодую. Мужчина лет пятидесяти и женщина лет сорока сидели, держась за руки, разглядывая округу. Старик, подойдя, нехотя кивнул им, в ответ они дружелюбно улыбнулись и отодвинулись с середины скамьи на самый край.

Доминика в это утро раздражало всё: и солнце, колющее глаза, и сквер, наполняющийся людьми, и парочка подле него, которую вовсе не было желания рассматривать. Но больше всего старик негодовал, думая о том, что если и придёт нынче Тереза, то только за фотографиями. Он её вчера обидел, и вряд ли она захочет теперь с ним общаться. Но что поделать, если он и вправду так считает: не место животным в неволе! А Тереза... Ну, как она могла не понимать этого? Но он готов был ей простить её прошлое. Это ведь было до него. Вряд ли она работала бы дрессировщицей, если бы была его женой. От этой мысли Доминик вздрогнул. Женой... А ведь она тогда запала ему в душу. И он часто вспоминал яркую и задорную дрессировщицу с ледяными линиями тела.

Фотографии Доминик нарочно оставил дома, решив сослаться на свою забывчивость. К тому же он испытывал особую радость, перебирая их вчерашним вечером, словно проскальзывая в чужую судьбу с помощью старых карточек. Снимки он, конечно же, отсканировал, но ещё раз подержать в руках карточки Терезы, пусть и с дельфинами, будь они неладны! — ему хотелось.

Парочка рядом разглядывала сияющую Мадонну. Их головы были задраны вверх, к небу, застыв в одной точке. В такой позе ему доводилось порой видеть многих туристов, поскольку колонна, на которой стояла Дева Мария, была достаточно высокой. Это был тоже своего рода поклон, только в высь.

Доминик, глядя на благоговейные лица соседей, усмехнулся. Пока они ни разу не произнесли ни слова, только глядели по сторонам. Но, только успев подумать об этом, старик услышал:

— Здорово! Я так рад, что мы сюда заехали.

Доминик вздрогнул — русские! Уж эту речь он не спутает ни с какой другой... На душе у него стало как-то сразу нехорошо, хотя и до этого было досадно, но тут словно её обмакнули в кислый раствор. Если бы не Тереза, Доминик непременно ушёл бы. Не то чтобы у него сохранялась ненависть

к русским, но и любовью там не пахло, и даже симпатией. Где-то в глубине сидел страх, а на поверхности — осторожность.

Доминик взглянул на русских. Они о чём-то тихо беседовали, не переставая держаться за руки. Нет, никакой агрессии от них не исходило, наоборот, со стороны поглядеть — милейшие люди! Но пусть бы эти милейшие люди шли дальше, что, в Граце посмотреть больше нечего?! А точно ли это русские? Мужчина был одет, как заправский европеец: ярко-голубая рубашка в крупную клетку, светлые джинсы; его спутница — в изысканном летнем наряде. Хотя теперь и русские утратили свою особинку в манере одеваться, не то, что было раньше, когда у них там правили коммунисты, и бедняги приезжали в Европу за джинсами.

Речь самая что ни на есть русская. Какая ещё речь звучит так мускулисто? Однажды где-то Доминик вычитал: “Русский язык — это пара знакомых слов, затерянных в полном лингвистическом хаосе неприятных на слух звуков”. Лучше и не скажешь.

Доминик достал газету, раскрыл её на странице с прогнозом погоды и стал анализировать, какая погода будет в ближайшую неделю. Он взял красный фломастер и подчёркивал солнечные дни.

— Зачем он что-то подчёркивает? — удивилась русская.

— Кроссворд, может, отгадывает. — Мужчина чуть вытянулся, чтобы подглядеть.

— Нет, он в прогнозе погоды что-то помечает.

За годы плена Доминик неплохо усвоил русские слова, мог наполовину понимать то, о чём говорят русские. Мужчина и женщина ещё немного понаблюдали за странностями старика, затем переключились и стали смотреть совсем в другую сторону. О чём-то переговариваясь, улыбались. Что они там увидели? Доминик наклонился вперёд и сразу узнал в идущей пожилой женщине Терезу. Русская пара явно говорила о ней, но в голосах чувствовалась теплота, словно речь шла об их давней знакомой. Чудо, как она была хороша! Доминик, наблюдая за Терезой, откинулся на спинку скамьи. Такой элегантный шаг. Такая значимая, но при этом совершенно невесомая походка. Русские, несомненно, восхищались величием старости австрийской женщины. Это было Доминику неожиданно приятно.

Тереза подошла к скамье и, хотя места было предостаточно, русские подвинулись. Они обменялись любезными взглядами, после чего Тереза села, но почему-то стала интересоваться его здоровьем и тем, что он ел на завтрак.

— Сегодня день неблагоприятный, находиться на солнце много нельзя. Скажите, вы измеряли сегодня давление?

— Дорогая моя Тереза! Я старый солдат, о каком давлении может идти речь?

— Вот именно, что старый! — усмехнулась Тереза.

— Да я за свою жизнь не кашлянул ни разу! Не чихнул!

— А вот чихи сдерживать нельзя. — Тон Терезы вдруг стал правоучительным. — Можно повредить барабанную перепонку или глотательное горло. Чихайте себе на здоровье! Ну, чихайте же!

— Да я не хочу!

Русские мирно беседовали на противоположном конце скамьи.

— Чехи? Поляки?

— Нет, русские.

— Русские? — Тереза с большим интересом стала поглядывать мужчину и женщину. — Я, признаться, не часто встречала русских туристов.

— Разве? А по-моему, их теперь всюду полно, как блох.

— Хорошая пара, — вынесла свой вердикт Тереза, немного понаблюдав за соседями по скамье.

Доминик не ответил.

— Ещё целый час можно посидеть здесь, — сказала молодая женщина, глядя на большие часы на стене здания. — Место просто магическое.

— Вы понимаете, о чём они говорят? — обратилась Тереза к Доминику.

— Подслушивать чужие разговоры нехорошо, — пробурчал он.

— Так скажите, что нет!

— Мне до них вообще никакого дела нет! Нечего тут торчать. Шли бы себе потихоньку.

В этот момент русский внимательно посмотрел на старика.

— Мы помешали вам? — спросил он по-немецки.

— Нет, что вы! — воскликнула Тереза и с укором посмотрела на старика, немного сконфуженного таким поворотом дела.

Русский улыбнулся и всё своё внимание направил на спутницу.

Тереза в негодовании сверлила Доминика глазами. Тот явно чувствовал за собой вину, но, судя по его нахохленному виду, признавать её не собирался.

— Как вам не стыдно! — прошептала Тереза, склоняясь к Доминику. — Ваша неприязнь так и бьёт, как струи этого фонтана!

— А вы хотели, чтобы я, не сворачивая, стремительно нёсся к святости?

Тереза взглянула на Богородицу.

— Вы бессердечный солдафон! Война давно закончилась, снимите же, наконец, свою форму.

— Не хочу, не могу и не буду. — Доминик помог себе руками закинуть одну ногу на другую.

— Старая сталинградская развалина! — Тереза с вызовом посмотрела на собеседника. — Которая никак не успокоится.

Доминик хотел сказать, что беспокойных развалин не бывает, но закашлялся. Русская тотчас же протянула Терезе бутылочку с водой, показывая, что надо передать её Доминику, но фрау вместо того, чтобы открыть пластиковую бутылку, как дала со всей силы ею по спине старика! А потом вернула её обратно, кивнув женщине в знак благодарности.

Доминик кашлять перестал. Насупленный, он молча наблюдал за округой. Терезе же явно хотелось общения.

— Вы первый раз здесь? — обратилась она к паре по соседству.

— Я во второй, а моя жена впервые, — ответил мужчина на хорошем немецком.

— Нравится?

— Сказочный город! Сказочный.

— Вы давно здесь? Надолго?

— До вечера. А приехали утром. С туристической группой.

— А где остальные?

— Все пошли с гидом, а мы с женой решили побродить самостоятельно. Через полтора часа у нас запланирован с группой поход в музей оружия. Говорят, он здесь бесподобный. А вы живёте в Граце?

Тереза дважды кивнула.

По скверу шли четыре девушки и юноша. В руках они несли большие квадратные коробки, вероятно, с пиццей. Свободная скамейка находилась аккуратно напротив русской и немецкой пар, только за фонтаном. Там молодёжь и пристроилась.

— Нам говорили, здесь много студентов, — сказал русский.

— О да! Здесь четыре университета. Четыре? — переспросила Тереза у Доминика.

— Да, именно четыре. Не три и не пять. — Доминик был рад, что Тереза обратилась к нему с вопросом. — Медицинский, технический, актёрский и самый известный — имени Карла и Франца. Да будет вам известно, он дал миру семь Нобелевских лауреатов, если мне не изменяет память.

Русский перевёл жене фразу Доминика, та покачала головой от удивления.

— Ваша жена не знает немецкого? — что-то неуловимо-презрительное промелькнуло в вопросе старика.

Но русский не остался в долгу.

— Нет, не знает. Впрочем, как и вы с супругой не знаете русского, — улыбнулся он.

При слове “супруга” Тереза и Доминик многозначительно переглянулись.

— Я понимаю совсем чуть-чуть, — приврал старик и показал пальцами, насколько мало он понимает по-русски. — Самое простое: “Нина шила, Нонна мыла, наши косы малы”, — произнёс он, коверкая русские слова и за-

смеялся. Следом за ним рассмеялись и русские. — Это из букваря тридцать седьмого года.

— А как он к вам попал? — удивился русский, но вопрос остался без ответа.

Студенты напротив уминали пищу. И это получалось у них слаженно, словно отрепетированно. Раз — поднесли пищу ко рту, два — откусили, три — опустили руки, жуют, четыре — проглотили. И снова — раз, два, три, четыре. Длинный верзила сидел посреди скамейки, а справа и слева от него — по две девушки.

— Смешные и трогательные, — русская кивнула на студентов. — Этот Ганс окружил себя сразу четырьмя Гретхен.

Ещё немного понаблюдав за этим “раз-два-три-четыре”, немцы и русские вернулись к разговору.

— А вы откуда из России? — спросила Тереза.

— Из Волгограда.

— Из Волгограда? — опешил старик. Русский так запросто произнёс название этого города...

— Волгоград, Волгоград, — закивала жена русского.

Доминику вдруг стало нехорошо. Навалилась такая жара, словно на него сейчас светили десятки солнц. Волгоград, Сталинград...

Старик уставился в одну точку напротив скамейки, а именно — на студентов с пищей.

— Походная кухня привозила по вечерам еду. “Зингеры”, так мы называли русские бишланы, потому что они стучали, как швейные машины, летали над нами и сбрасывали осколочные бомбы...

— Вы воевали во Вторую мировую?

— Да. Я был в Сталинграде.

Русский хотел перевести это жене, но она остановила его:

— Он был в Сталинграде, я поняла.

— Я был в Сталинграде, — повторил старик по-русски и снова перешёл на немецкий: — Не приведи Господь никому быть участником этого. Военизированные бал сатаны.

— Как вы сказали? — не понял русский, но немец не стал повторять.

Лицо Доминика изменилось, будто он надел чужую маску. Морщины внезапно стали горестными. Он стал легонько раскачиваться, словно собирался взлететь, но при этом крепко держался обеими руками за лавку. Тереза погладила старика по спине, от этих прикосновений он вздрогнул, повернул голову и посмотрел на Терезу совершенно пустыми глазами.

— Он что, ждёт от нас сочувствия? — нервно спросил русский у жены, видя состояние немца. — Мы их не звали!

— Андрей, не надо на эту тему...

— Я разве начал?

— Ну, и не поддерживай. Переведи разговор на что-нибудь другое или вообще пойдём отсюда.

Старый немец примерно понял, о чём они говорят, но отрешённо смотрел на золотую Деву Марию, стоящую спиной к ним.

— Вот и тогда она повернулась к нам спиной. Целая армия превратилась в труху. Подумать только — целая армия!

— А что вы хотели? — неожиданно повысил голос русский. — Вы пришли на нашу землю с оружием и хотели, чтоб мы плясали перед вами? — Его глаза гневно смотрели на немца. — Избитая фраза, но всё же я произнесу её: “Кто вас звал?” Вот вы живы-здоровы, сколько вам лет? За восемьдесят? А моему деду так и осталось двадцать пять! Навсегда! Он погиб под Сталинградом.

Жена Андрея в тревоге положила ему руку на колено и сжала его.

— Под Сталинградом? — Доминик взглянул на русского.

— Под Сталинградом, — устало выдохнул Андрей.

— Вы были в Берлине? — включилась в разговор Тереза.

— Да.

— А в церкви памяти кайзера Вильгельма?

Русский замялся.

— Там Сталинградская Мадонна.

— Да, были, — осыпая, ответил Андрей, его жена тоже кивнула. — Это в Синей церкви. Вернее, там стёкла синего цвета. Сталинградская Мадонна нарисована на обратной стороне географической карты. Военным врачом.

— В отличие от Врубеля, который рисовал поверх Богородицы... — тихо пробормотал Доминик.

— Вокруг Мадонны надпись: “Свет. Жизнь. Любовь...” — Тереза посмотрела на переливающуюся в лучах вечного солнца статую Девы Марии, и следом за ней все подняли головы вверх. — Наказ человечеству от человека, побывавшего в Сталинградском котле. Его звали Курт Ройбер.

— У нас в Волгограде в храме святителя Николая есть копия Сталинградской Мадонны. — Андрей, не отрываясь, смотрел на Богородицу. — Называется икона “Дева Мария Примирения”.

— Правда? Я этого не знала.

— Вы многого не хотите о нас знать.

— Я прошу прощения, не спросила, как вас зовут. — Тереза чуть улыбнулась.

— Андрей. Супругу Ксения.

— Очень приятно. Меня Тереза.

— Доминик, — представился старик.

— Скажите, Андрей, вы так хорошо владеете немецким. Где вы его учили?

— В основном, сам.

— Да? — не поверила Тереза. — Сам?

— Да. Хотелось в подлинниках читать вашу великую литературу.

— И вы можете оценить сочность немецкой поэзии? — недоверчиво спросил Доминик.

— Думаю, да. Мы все в состоянии понимать друг друга, если по-настоящему захотим. Весь вопрос в открытости к другим культурам и готовности их воспринимать. — Андрей всгал со скамьи, следом за ним поднялась жена. — К сожалению, нам пора. Перед музеем мы ещё хотим подняться на Шлоссберг.

Андрей протянул Доминику руку:

— Всего хорошего вам!

Немец растерялся, но вдруг, как пружина, вскочил, выпрямился и с достоинством воина пожал ладонь русского.

— Я также желаю вам счастья!

Когда русские ушли, какое-то время старики молчали.

— Шлоссберг... — проворчал Доминик. — У них остался час. На целый Шлоссберг! Хорошо иметь молодые ноги.

— Я давно хочу туда подняться, — вздохнула Тереза. — Причём по ступеням, а не на лифте или фуникулере. Как когда-то давно, много лет назад. Наследникам станет плохо, если они узнают об этом желании.

— Может, они только и мечтают, чтобы вы туда забрались и отдали концы. Не надо долго ждать наследства.

— Зря вы о них так думаете, злой старик!

— Да я в шутку, что вы, не понимаете? Кстати, а почему вы не требуете свои фотографии? А я их дома забыл!

— Оставьте себе, — беспечно заявила Тереза. — Любуйтесь!

— Я обратил внимание, у вас совершенно нет украшений, — огорошил Доминик Терезу на следующий день в середине разговора.

Пожилая фрау, не мигая, смотрела на старика и размышляла над его вопросом. Что он опять затеял?

— И что, что нет? — наконец, молвила она. — Вам-то что?

— Вы их не любите? — не унимался Доминик.

— Да что вы пристали?

— Нет, скажите, почему на вас никогда нет украшений?

— Потому что вы не дарите! — язвительно ответила Тереза.

— Ах, если только дело за этим! — Доминик вальяжно раскинулся по скамье. — Я-то думал, может, у вас аллергия на металлы...

— Нет у меня никакой аллергии!

— А дело-то, оказывается, в том, что это я их вам не дарю. — С этими словами старик склонился над пакетом и достал оттуда бархатную коробочку цвета бургунди. — Прошу принять!

— Что это? — спросила Тереза, принимая подарок. — А что там?

— Ну, что там может быть? Кусок курицы, конечно.

— Я серьёзно!

— Откройте да посмотрите! И чего спрашивать!

Но Тереза не спешила открывать коробочку, видя, что солдафону не терпится, когда она это делает. Она для начала повертела её в руках, словно в поисках каких-нибудь надписей, потом пару раз взглянула на Доминика и только после этого приподняла крышку.

— Наконец-то добрались до содержимого, — деланно вздохнул старик. — А то я думал, что прокиснет.

— Это брошь? — отчего-то спросила Тереза, глядя на украшение и понимая, что это брошь.

— Нет, кузнечик молодой!

— А кому эта брошь?

— Ну, не Грабнеру же! И не его брудастому бракку. Голубушка, ну что за странные вопросы! Вам! Кому же ещё?

Тереза выглядела очень растерянной.

— Не понравилось? — заволновался Доминик. — Вы достаньте её, разглядите лучше. Она красивая.

Брошь была очень хороша: созданная мастером в виде стройного цветка из белого золота, она немного напоминала арфу или даже морскую волну, набегающую на берег. Лепестки, усеянные мелкими камешками, сверкали на солнце. Три соцветия из голубого топаза были того же цвета, что и глаза Терезы.

— Это правда мне? — руки Терезы дрожали.

— Да! — с гордостью выдохнул Доминик.

— Она такая, такая... лирическая.

— А вы думали, солдафон не способен...

— Ничего я не думала. А почему вы мне подарили это неземной красоты украшение? — медленно произнесла Тереза.

— Как почему? — растерялся старик. Вот те на! — Как это почему? Сами-то не догадываетесь?

Фрау сделала вид, что, мол, понятия не имеет — почему, хотя в её глазах блеснули искорки явного понимания.

— Почему, почему... — проворчал старый солдат. — Потому что вы мне нравитесь! — отчеканил он сердито.

На другое утро народу в сквере было больше обычного. Скамеек на всех не хватало, поэтому многие присаживались на бортики фонтана.

— А меня отругали за ваш подарок, — потупив взор, молвила Тереза.

— Кто? Почему?

— Наследники. Сказали, негоже принимать такие дорогие подарки от незнакомого мужчины. Велели вернуть.

— Вы им рассказали обо мне? — Доминик был рад.

— Так, в общих чертах.

— В общих чертах! — Радость старика сменилась недовольством. — О Доминике Кунстшлере, лучшем юрисконсульте Граца шестидесятых и семидесятых годов! Как это в общих чертах? Что это за общие черты?

— Ну, не занудствуйте, пожалуйста!

В этот момент к скамье подошёл грузный парень, и Доминику пришлось вплотную пододвинуться к Терезе, поскольку тот втиснулся между ним и ещё одним отдыхающим. От такой неожиданной близости и Доминик и Тереза оробели. Старик несколько раз громко сглотнул, а пожилая фрау закопошилась в сумочке.

— Вы горячая, — шепнул ей Доминик на ухо.

— В каком смысле? — Тереза насколько возможно отклонилась в сторону от своего собеседника.

Старик вместо ответа подмигнул.

Следующие несколько минут прошли в молчании.

— Я тут подумал и решил, — тихо, не глядя на Терезу, произнёс Доминик. — Хватит бояться! Нам обязательно нужно сделать это.

У Терезы как-то сама собой, непроизвольно, рука легла на грудь.

— Что — “это”? — с трудом выдавила она из себя, как остатки пасты из зубного тюбика.

— То самое, о чём мы оба втайне мечтаем.

Тереза покраснела и оглянулась по сторонам.

— Вы что, с ума сошли?

— Почему? И мне, и вам этого очень хочется.

На бортике фонтана спиной к ним сидела молодая женщина. На её коленях лежала маленькая девочка, которая, наклонившись, забавлялась с водой. Время от времени, пока мать не видит, она украдкой попивала эту водичку.

— Смотрите, она пьёт воду прямо из фонтана! — воскликнула Тереза. — Надо обратить внимание её матери. Ребёнок может получить отравление.

— Наплевать на ребёнка! Я вам говорю совершенно о другом.

— Что значит наплевать на ребёнка!..

— Во время войны мы охотно, бывало, пили из лужи. А уж из фонтана...

— Наплевать мне на вашу войну! И о чём таком вы мне там говорите? Это что, второй шаг после подарка? После броши? Невестка моя была права! Не следовало мне... — Тереза открыла сумочку. — Вот, возьмите! — Она протянула Доминику бархатный футляр.

Брови старика взлетели.

— Что это значит?

— А то и значит! Я женщина порядочная и не желаю из-за украшения соглашаться на это!

У Доминика от напряжения покраснели глаза.

— На что на это?

— На что... на что... На то, на что вы мне намекаете!

— Я не намекаю, а открыто говорю.

— Ну, знаете! — Тереза стукнула сумочкой Доминика. — Бессовестный!

— Да что тут бессовестного! Я же не постель вам предлагаю. Я задумал вместе с вами взобраться на Шлоссберг! — вскричал Доминик. Люди на скамье с нескрываемым интересом смотрели на старика. — Хотя, можно подумать, в близости есть что-то бессовестное, если она по любви. — Доминик вновь заговорил тихо.

— Так вы, — растерялась Тереза, — имели в виду Шлоссберг?

— Ну, да. А вы что имели в виду?

— Я? — Тереза поправила волосы. — Так и я Шлоссберг.

Взятие Шлоссберга — горы, возвышающейся над Грацем прямо в центре города, — было назначено на субботу, до которой оставалось два дня. В эти дни старики решили основательно подготовиться к штурму.

— Наверное, будут нужны перчатки. — Тереза посмотрела на свои морщинистые руки с маникюром.

— Да, и альпеншток, — саркастически улыбнулся Доминик. — А также страховочные верёвки, каски, ледорубы и запас провизии на неделю. Ну, а если серьёзно, главное вам не форсить, обувь на каблуке не надевать. Одежда должна быть лёгкой. На всякий случай возьмём с собой куртки — вдруг на горе ветер. Пару бутылок воды. Если проголодаемся, наверху есть кафе.

— Как вы думаете, кондотьер, сколько времени у нас займёт подъём?

— Дайте подумать. — Доминик закрыл глаза и что-то принялся высчитывать. — Ступеньки идут зигзагом, часто поворачивают. Всё это делает

подъём нелёгким и достаточно долгим. Может, мадам предпочитает на лифте? — Он внимательно взгляделся в лицо Терезы.

— Ни за что! Какой тогда смысл! Только пешком!

— Ступеней примерно триста, не так много, но они высокие, — продолжал рассуждать Доминик. — Будем отдыхать через каждые тридцать.

— Лучше на каждом новом этапе. — Тереза задумалась. — Эти ступени вырублены в скале ещё в Первую мировую.

— Работа русских пленных.

Тереза кивнула, сморщив щеку, — мол, это общеизвестный факт.

— Утром перед восхождением много не ешьте, но и не идите голодной, — наставлял Доминик, — не забудьте покрыть голову, чтобы не напекло. Сегодня и завтра нужно поменьше двигаться, так мы сэкономим силы. Хорошо выспаться. Что ещё? С внуками поменьше нянчитесь, это тоже отбирает энергию. Так, про это я сказал, про головной убор тоже... Что же ещё? Не забыть бы... — бормотал он.

— Фотоаппарат или камеру, — подсказала Тереза.

— Это само собой. Это я беру на себя. А! Ещё зонты обязательно. Вы запомнили, что я вам сказал?

Тереза кивнула.

— Может, всё же, запишете?

— Ну, Доминик!

— Что Доминик? Подниматься на такую гору!

— Уж как-нибудь с Божьей помощью осилим. — Тереза долгим взглядом посмотрела на золотую Богородицу.

Субботнее утро выдалось хмурым. В назначенное время заговорщики встретились на Шлюсбергплатц у фонтана с тремя птицами. Причём Тереза пришла первой.

— Наследники не знают? — спросил Доминик после приветствия.

— Я бы тогда здесь не стояла.

— Не передумали?

— Вот ещё! — фыркнула Тереза. — Может, это вы хотите дать задний ход? На целых две минуты опоздали к назначенному часу икс!

Доминик пропустил это мимо ушей. Он с интересом смотрел на новую Терезу. Да, такой он её ещё не видел. На сей раз она была налегке, в спортивном костюме оливкового цвета, который очень молодил её.

— Командуйте, кондотьер! — Тереза выпрямилась, ожидая указаний.

— Вперёд! — коротко приказал старый солдат и выставил впереди себя зонтик, но, выкидывая его, случайно нажал на кнопку. Зонт, раздвигая пространство, автоматически раскрылся, чем вызвал смех Терезы.

— Очень красиво! — отсмеявшись, она окинула взглядом скалу со ступенями.

Возле основания лестницы находился вход, ведущий в систему штолен. Там, в глубине, располагался стеклянный лифт.

— Во время войны здесь было бомбоубежище. — Доминик кивнул на вход, ведущий вглубь горы.

Тереза, ничего не ответив, прошагала мимо, к лестнице.

— Я первый! — Доминик опередил Терезу. — Следовать строго за мной.

Он, опираясь на ограждение, твёрдо встал на первую каменную ступень. Когда он поднялся на четвёртую, Тереза начала свой путь.

— Вы знаете легенду, связанную с этой горой? — Доминик через плечо посмотрел на Терезу.

— Смотря какую.

— Дьявол заключил сделку с местными жителями: в обмен на их души пообещал создать в центре города возвышенность. И чем выше будет гора, тем больше душ он получит. Договорился и улетел за скалой в Африку. Выбрал высокую. Тащил, корячился, сволоочь. А когда вернулся обратно, видит: жители Крестным ходом идут, Пасху встречают. А как известно, в Пасху он не имеет права забирать души — власти над людьми не имеет. Рассердился

сатана и бросил эту скалу посреди селения. Вот по ней мы сейчас и поднимаемся.

— Да знаю я эту дурацкую легенду. Зачем они вообще с ним сделку заключали? — возмутилась Тереза.

— Вы бы поменьше говорили, — осадил её Доминик. — Силы не тратьте. Это ведь только начало вливающей лестницы.

— Сами же тратите силы на пересказ глупых басен.

Желающих подняться на гору пешком было немного. Но те, кто выбрал этот путь, проскальзывали мимо стариков быстро и бесшумно.

— Люди-то соколами, а мы черепахами, — усмехнулась Тереза.

— В нашем возрасте и черепахой в радость, — проворчал Доминик.

Всё выше поднимались они, всё ниже оставалась земля. Местами скала была одета растительностью, кое-где значились самодеятельные стандартные надписи — тот плюс эта равняется сердечку. На каждом изгибе лестницы были установлены фонари. Повсюду сновали чёрные дрозды. Они словно спрашивали стариков:

— Вы что, совсем тю-тю? — но без ехидства, а даже с неким восхищением.

Тереза остановилась на одной из маленьких смотровых площадок, оборудованных по всей длине лестницы.

— Устали? — обернулся Доминик.

— Нет. Даже наоборот, взбодрилась. Вы не считали ступени?

— Не догадался.

— Я поначалу забыла вести им счёт. Когда вспомнила, мы уже сколько-то прошли.

Некоторое время старики шли молча, ненадолго останавливаясь. Доминик то и дело доставал из сумки воду со стаканчиками.

— У вас не кружится голова? — спросил он во время очередной передышки.

— Нет.

— А у меня да.

— Вам плохо?

— Нет. Мне очень хорошо. От того и голова кружится. — Доминик долгим взглядом посмотрел на Терезу.

— Сколько людей прошло по этим серым ступеням... — Тереза поднялась на очередную.

— И каких разных. Блѣклых и ярких, — принял философскую эстафету Доминик, — злых и добрых.

В середине пути они уже не хорохорились. У Доминика сильно разболелась спина, однако он старался не подавать виду. У Терезы скрывать боль получалось хуже: совершенно невозможно было ступить на правую ногу. Старик взглянул на Терезу. Она шла с потемневшим лицом, закусив губу. Даже её оливковый спортивный костюм, казалось, пожух, утратил яркость цвета.

— Что делать? — спросил Доминик.

— Это я виновата, что увлекла вас своей дурацкой идеей, — сказала Тереза.

Они остановились. Кроме боли, ещё одно обстоятельство делало поход невыносимым — свирепая жара.

— Проклятые метеорологи! — воскликнул Доминик. — Я нарочно назначил на сегодня, потому что они обещали прохладный день. И на тебе! Сволочи!

С Доминика рекой тѣк пот, с Терезы — ручьѣм. Доминик расстегнул рубашку, выставив напоказ серебристую грудь. При виде его полубнаженного торса Тереза заметно взбодрилась.

— Снимите совсем, — властно сказала она, но тут же сконфузилась. — Я к тому, что жарко очень. Разденьтесь, не страдайте.

— Как-то неудобно идти голым. — Доминик поспешно стал застегивать пуговицы.

— Зачем? Ну, зачем же? Зачем вы застѣгиваете? Тепловой удар захотели? — И она судорожно принялась расстѣгивать ему пуговицы, которые он успел только что застегнуть.

— А вы? Почему такая закупоренная? — Он посмотрел на молнию костюма, пересекающую всю курточку.

— Мне холодно! — отступила на шаг Тереза. — Знобит меня.

Доминик удивлённо взглянул на свою спутницу:

— Что-то не похоже, чтобы вам было холодно.

— Но не могу же я вам сказать, что надела куртку поверх лифчика.

— Тогда понятно.

— Застражили мы тут с вами между землёй и небом.

— Да уж... — Доминик глянул вниз. — Ровно посередине. Придётся спускаться, — вздохнул он.

— Ни шагу назад!

— Да, но ваша нога...

— У меня их две.

— Я возьму вас на руки.

— С вашей-то спиной? Нет уж! Как-нибудь сама доковыляю.

— Смотрите, дважды предлагать не буду.

— Кондотьер, хватит болтать. Командуйте.

— А вы не указывайте мне! — Доминик выпрямился. — Что ж, вперёд, к небесам! А вась ещё летаем...

На развилке внимание стариков привлекла табличка с указателями: к альпийским растениям — стрелка налево, к Часовой башне — стрелка направо. Мнения в команде разделились. Тереза настаивала на первом варианте:

— Умереть, так среди альпийских растений.

Доминик строго возражал:

— Отставить меланхолию! Не умереть, а победить и прийти к башне!

В итоге он убедил свою спутницу. Часовая башня Уртурм была символом города. Огромный циферблат, на котором почему-то большая стрелка показывала часы, а маленькая — минуты, был виден издалека.

Чем меньше оставалось до верха, тем сложнее давался каждый шаг.

— А какая ваша любимая актриса? — вдруг спросил Доминик.

— Роми Шнайдер.

— Почему?

— Она австрийка, как и я.

— Ну, у вас и критерии отбора! А актер, надо полагать, — Шварценеггер, потому что он родом из Граца. Если я немец, то мне должно нравиться только немецкое? И женщины — только немки?

— Но вы же давно живёте в Австрии. — Тереза перевела дух. — Значит, и австрийские женщины тоже могут нравиться вам.

— Логика у женщин — вне всякого разума. — Доминик не знал, то ли рассердиться, то ли рассмеяться. Он в очередной раз вытер лоб влажной салфеткой.

— Когда же будет обильной тени парадиз? — Тереза тоже промокнула лоб платком.

— Мы сами выбрали этот путь. Пусть он тернистый, но наш.

— Сколько пафоса! — рассмеялась Тереза. — А вы когда-нибудь взбились на Шлоссберг подобным образом?

— Что я, дурак, по-вашему? Нет, только вот так. — Доминик кивнул на трассу фуникулера. В этом месте она была особенно близко расположена к пешему пути наверх.

— Я тоже.

— А почему у вас возникла такая странная мечта — подняться на вершину пешком?

— А я желание когда-то загадала. — Тереза тяжело дышала и слова ей давались с трудом. — Да и была-то я здесь, в Граце, на этой горе всего единоразы.

— Ну да, вы ведь не местная. А что за желание?

— Так я вам его и сказала, — грустно вздохнула Тереза, но тут же прокла строки:

*Беги, беги от мишуры обманной,
Расстанься с непотребной красотой
И ты достигнешь пристани желанной,
Где неразрывны вечность с красотой.*

— Вы что, карабкаетесь на вершину помирать? — с ужасом спросил Доминик, перегородив ей дорогу.

— А почему бы и нет?

— А ну, поворачиваем назад! Какие-то шальные мысли бродят в вашей идиотской голове с седыми буклями! А ну, немедленно! — Взволнованный не на шутку, старик крепко схватил Терезу за руку. — И не сопротивляйтесь, иначе я вас просто скину с лестницы.

— Отпустите же! Отпустите! Ну, отпустите же меня, наконец. — Тереза, бросив все запасы сил на освобождение, вырывалась из рук Доминика. — Да сколько же мощи в вас! Кому говорят, отпустите! Не то я вас покусую! Я серьёзно! Я новые зубы вставила. Зачем, думаете, я ходила в поликлинику?

— Вы новые зубы вставили? — старик ослабил хватку. — Я и не заметил...

— Простите, что не продемонстрировала!

— Значит, вы не собирались умирать на вершине, раз только-только зубы вставили.

— Да как бы я там умерла? Вы в своём уме? Или думаете, у меня с Богом договор? Кто знает минуту своей кончины?

— Ну, я думал... — замямлил Доминик, доставая одну салфетку за другой и непрестанно вытираясь ими, — может, у вас мечта такая: достигнуть вершины и погибнуть.

— Как?

— Спрыгнуть, например...

Тереза закрыла лицо руками.

— Тереза, простите! Я что-то не так понял. Дурак, дурак, дурак, старый дурак! Просто я после ваших стихов...

— Это Христиан Гофмансвальдау.

Удручённый Доминик не знал, какие слова найти в своё оправдание.

— Знаете что! — неожиданно резко заявил он, стукнув ладонью по ограждению. — Стихи нужно знать соответствующие!

— Соответствующие чему? — Тереза присела на ступень спиной к Доминику.

— Чему, чему... Я тоже знаю стихи! — старик вытянулся, одёрнул рубашку, вытер уголки губ и начал декламировать:

— Туда! Туда!..

Но вдруг передумал.

— Ну, дальше, — потребовала Тереза.

— Достаточно.

— Это из Гёте, что ли?

— Кажется.

Тереза встала со ступеней. Не говоря ни слова, она протянула влажную ладонь Доминику. Он взял её и, подержав несколько секунд в своей, сжал.

Так, взявшись за руки, они и преодолевали оставшуюся часть пути.

— Вот она, колыбель Граца! — воскликнул запыхавшийся Доминик, едва они достигли башни Уртурм. Сердце колотилось так громко, словно внутри него забивали сваи.

— Кондотьер! Мы победили! — Тереза вскинула руки вверх. — Мы поднялись на гору!

С высоты открывался восхитительный вид на весь старинный город и его окрестности.

— Плачете? — Тереза положила руку на плечо Доминика.

— Вы в своём уме? Чтобы я плакал... — Старик коснулся глаз платком. — Добрались-таки, старые черепахи...

Он молча смотрел на красную черепицу домов, на возвышающиеся древние башенки, на современные небоскрёбы.

— Ну что, вы довольны, старый солдат? — Тереза тоже не сводила взгляд с великолепной картины города.

— Как спокойно и тихо... — Он помолчал. — И какое счастье, что нет войны.

Они ещё долго стояли на одном месте скалистого горного выступа, прижавшись к друг другу, и смотрели вдаль, на край земли.

— А знаете, почему я привёл вас к Часовой башне? — Доминик поглядел на Терезу. Она в ответ покачала головой, всё ещё созерцая даль.

— Потому что здесь парень впервые целует девушку. Вы ж не местная, откуда вам знать? — И Доминик жадно припал к Терезиным губам. — Если вы намереваетесь сбросить меня с горы, то знайте: никому я без вас не полечу, — первое, что сказал он, когда поцелуй закончился.

— Похоже, что здесь вместе вот с этим плещом, — Тереза указала на зелень, — вьются многочисленные любовные истории. — И она, достав из кармана брошь, приколотла её к куртке цвета оливы.

— Отныне это ваша медаль за взятие Шлоссберга! — Радостный Доминик чуть поправил украшение на груди Терезы.

Вернувшись домой после операции “Взятие Шлоссберга”, вечером Доминик начал хандрить. Тело ломило, как при высокой температуре. Однако градусник показывал нормальную.

— Что за хрень? — бормотал старый солдат. — Неужто такая мелочь — подняться на пятьсот метров — выбила меня из колеи? Может, я начал стареть?

Воспоминание о поцелуе на вершине Шлоссберга утешало его, наполняло его сердце гордостью. Много лет назад Доминик приготовился к смерти, к желанной, ожидаемой, неминуемой. В ледово-адакском Сталинграде. В другой раз это было в семидесятые, когда он боролся с тяжёлой болезнью. В третий — после смерти Магды. Но сейчас, несмотря на свой почти девяностолетний возраст, он не готов был вот так взять и умереть. Сейчас, когда любовь появилась, как неожиданный дождь в пустыне, где так уже всё устоялось в своём однообразии, сейчас, когда касание плечом будоражит, словно в юности, сейчас, когда пришла женщина, которая, может быть, нужна была ему всю его прежнюю жизнь, его смерть явилась бы самым большим грехом в его жизни. Он хотел быть с ней, и не час, не день, а месяцы и годы. Он хотел совершать безумные поступки, носить её на руках, нянчить её правнуков. И жить, жить, жить! Так сильно хочется жить, как никогда раньше. Но только с ней! Иначе к чему всё это?

Доминик открыл старый скрипучий шкафчик, налил рюмку виски, выпил и повторил ещё, после чего лег в постель. Как она там? Как себя чувствует? Думает ли о нём? Ему хотелось, чтобы Тереза, где-нибудь уединившись, предавалась воспоминаниям сегодняшнего знаменательного дня. Пусть она не выпускает из самых красивых на свете морщинистых рук его брошь, лобуется ей и непрестанно думает о Доминике и о завтрашней встрече с ним. С такими радужными мыслями старик погрузился в сон.

Но ночь не принесла ему безмятежности, наоборот, снились кошмары. Тереза во всем белом махала ему рукой и исчезала в розовой дымке. Вновь появлялась и уплывала, стоя на спинах дельфинов, и он слышал её возглас:

— Прощайте, мой кондотьер!

Утром Доминик первым делом бросился к фотографиям Терезы — ему захотелось увидеть её, весёлую и озорную. Но старые потрескавшиеся снимки, как казалось Доминику, не давали тепла.

Он заставил себя позавтракать и, едва дождавшись половины десятого, вышел из дома.

— Проклятые метеорологи! — проворчал старик, потому что прохлада, обещанная ими вчера, пришла сегодня.

Доминик спохватился, что ни разу вчера не фотографировал — фотоаппарат так и пролежал в сумке. От взятия Шлоссберга не останется у него запечатленных счастливых моментов. Да, но они будут в памяти...

По пути к скверу Доминик по обыкновению купил “Kroner Zeitung”. Усевшись на скамью, дабы отвлечься от тяжёлых предчувствий, он принялся читать. Но то и дело налетал ветер, пытаясь вырвать газету из рук старика.

— Может, тебе по морде дать? — сказал Доминик ветру. — Чего привязался!

Он прочёл пару страниц, перед тем как свернуть газетный номер, но спроси старика про написанное — не ответил бы. Глаза его блуждали мимо строк, поскольку все мысли были только о Терезе.

— Лежит себе сейчас, руки на груди, мордочка ангельская. Наследники радуются. А мне как дальше жить?!

Доминик поднял голову к Деве Марии.

— Ты отвернулась от нас в Сталинграде. Ладно, согласен, русский прав, нас туда никто не звал. И мы получили по заслугам. Но теперь-то!..

Ветер чуть утих, а потом снова встрепенулся со страшной силой. Полетел вверх тормашками мусор. Мелкий, незатейливый, словно извиняющийся дождь мужал и креп. Вот уже и барабанная дробь слышна по деревянной скамье. Сквер понемногу пустел. Соседи с лавок нехотя поднимались и, теряясь в сомнениях, смотрели в небо. Правильно ли, что уходят, вдруг постучит дождь, постучит, да и солнце покажется. Но солнце и не думало появляться.

Доминик, обняв себя руками, сидел, не шевелясь. Никого уже поблизости не было, но это его мало волновало. Деревья за спиной скрипели и стонали. Чёрная туча висела над всей округой — над деревьями, фонтаном, Домиником, золотой Богородицей.

Старик закрыл глаза. Больше он сюда уже не придёт, даже если проживёт ещё не один год...

— Простите, я, кажется, немного опоздала...

Доминик открыл глаза. Перед ним под большим зонтом стояла Тереза в коричневом плаще. Живая. Довольная. И даже вполне здоровая. Его брошь светилась у неё на груди. И он с какой-то особой пронзительностью увидел, какие небесные у неё глаза. Хоть и маленькие.

— Знаете что! Убить вас мало!

Тереза в ответ расхохоталась.

— Чему, чему вы радуетесь? — Доминик был вне себя от злости.

— Как чему? Вам, дождю, снова вам.

— Перестаньте хохотать! Почему вы опоздали? Вам было плохо?

— Мне было хорошо, как никогда в жизни.

— Правда? — Доминик недоверчиво оглядел Терезу. Капли дождя стекали с его взъерошенных мокрых волос.

— А почему мне должно было быть плохо? Может, это вам было плохо, кондотьер?

— Почему же тогда вы опоздали?

— Да проспала я! Что, женщине нельзя проспать и прийти на свидание чуть позже? Всю ночь не могла заснуть. Думала. Как вы думаете, о ком?.. Вот и проспала. Ой, какой вы мокрый и смешной! Вставайте под зонт, вставайте же!

Доминик подчинился её приказу. Они стояли лицом к лицу, близко-близко, и казалось, что выдох одного был вдохом другого.

— Какая вы красивая! — Доминик не мог оторваться от Терезы. А затем, не сдерживаясь, стал покрывать её лицо поцелуями так же бешено, как неистовый дождь стучал по их укрытию.

— Наконец-то и плащ пригодился, — чтобы скрыть смущение, сказала Тереза, когда шквал его поцелуев несколько стих.

— А теперь скажите, что у вас была за мечта? Что вы загадали, думая о взятии Шлюсберга?

— Мечта? — Тереза приподняла зонт и посмотрела на небо. — Мечта? Так она уже осуществилась.

— Уже осуществилась? Прекрасно! Значит, у вас всё в порядке, и вы полностью здоровы? Ну, тогда вперед — к новым испытаниям и победам!